

Скрам 2

Автор:

Яна Егорова

Скрам 2

Яна Егорова

Современный детектив

Вторая книга о детективе с расстройством аутистического спектра и его помощнице Наталье. Успешно закрыв дело с террористическим актом в здании Уральского Купеческого банка, Адриан Шагалов предлагает Наталье поселиться в его квартире на Малой Никитской, где уже проживают его повар Академин и дворецкий Михаил Павлович Расторгуев, а также их домашние питомцы – попугай и игуана по кличке Моржик.

Спустя несколько недель после переезда, Наталья сопровождает Адриана Шагалова на концерт в консерваторию, где должен выступить тем вечером любимый композитор Шагалова – Алпаров. Внезапно концерт прерывается – маэстро отказывается продолжать выступление после антракта. Наталья отправляется выяснить в чем дело и по наивности души уговаривает артиста завершить вечер до конца. Тот соглашается в обмен на обещание, что Адриан поможет ему раскрыть одно очень запутанное дело...

Яна Егорова

Скрам 2

Музыкальное преступление

Глава 1

В самом центре залитой светом сцены консерватории имени Чайковского стоял красный рояль. Музыкальный инструмент оттенка спелой вишни уже многие годы считался визитной карточкой композитора и талантливейшего пианиста Анатолия Алпарова. Высокий, стройный мужчина в годах, с утонченными чертами лица, орлиной линией носа, ярким, запоминающимся подбородком и седыми волосами, черно-белым каскадом лежавшими на его широких плечах. Музыка, которую порождали его тонкие пальцы порхая над клавишами, заставляла замирать сердца слушателей, этим вечером наполнивших до отказа вместительный зал консерватории. Потрясающие звуки ласкали слух людей и стены величественного здания, заполняя собой все окружающее пространство, уносили мысли куда-то в прекрасные и ужасные дали мира фантазий присутствующих. Алпаров играл увлеченно, его фигура в черном фраке пошатывалась в такт звуку.

О гениальности Алпарова можно было говорить многое, но главным подтверждением его таланта было присутствие этим вечером в консерватории одного особенного человека. Он сидел в ложе на первом этаже, с правой стороны от сцены. Отгороженный плотной занавеской от зрителей, этот особенный слушатель, как и остальные, полностью погрузился в музыку. Его особенность заключалась в том, через что он должен был пройти, чтобы оказаться в этой ложе. Нет, конечно же, нет. Речь идет не о деньгах. Этот человек имеет огромную власть, на его банковских счетах деньги не закончатся никогда. Он обладает силой, за которую слишком многие в мире власти готовы заплатить любые деньги, некоторые даже готовы обменять его талант на свою душу.

Речь не о деньгах, конечно же нет. Для Адриана Шагалова обычное посещение людной, шумной консерватории может быть равнозначно посещению простого человека психиатрической лечебницы. Пройти через холлы, выдержать оглушительные овации. И не сойти с ума.

Мой загадочный работодатель пошел на эту пытку только ради того, чтобы насладиться живым звучанием таланта Алпарова. Его брат, Давид Шагалов, не раз пробовал заказать приватный концерт Алпарова. Когда это у него не получилось – скупал все до единого билеты на концерты композитора. Ничего не выходило – упрямый Алпаров отказывался играть для пустого зала. Он отменял

такие концерты и деньги Шагалову не возвращал. В результате всех усилий, Адриан принял решение отправиться в консерваторию лично, настолько сильно было его желание услышать музыку, создаваемую этим человеком. Мне даже пришлось разработать целый план, как поступать в перерывах и в антракте. Это был один из тех редких моментов, когда мы с Давидом Шагаловым разговаривали относительно мирно.

– Я узнала программу, – сообщила брату Адриана, – во время вечера фортепианной музыки Анатолия Алпарова будет шесть этапов, соответственно, шесть перерывов и один антракт, после третьего этапа. Я возьму с собой наушники и буду надевать ему их во время каждого перерыва. В ложе есть занавеска, в обычном состоянии она задернута наполовину – закрывает таким образом сидящих в ложе от глаз зрителей. Во время пауз ее можно будет задергивать до конца – тогда Адриан Ааронович не увидит зрительный зал. Я думаю, все должно пройти благополучно.

Этот разговор состоялся в четверг, за день до намеченного концерта в офисе Скрама на двадцать пятом этаже. В кабинете Давида Шагалова. Он вызвал меня к себе на разговор.

Кабинет брата был значительно меньше помещения, отведенного Адриану. Но это отнюдь не отражалось на содержимом. В рабочем пространстве Адриана были высокие потолки, много света и воздуха – простые линии, минимум деталей и вещей. Здесь же наоборот – потолки обычные, цвета более темные, и масса дорогих вещей кругом – на столе, на полках, даже на полу. Того и гляди, можно было споткнуться на ровном месте и разбить какой-нибудь из антикварных предметов искусства.

– Как же ты будешь успевать с наушниками? Разве ты знаешь, когда заканчивается каждая композиция? Или планируешь обрывать его удовольствие и позволишь наслаждению превращаться в кошмар наяву? А, мышь?

Шагалов старший не изменял себе, вальяжно развалившись в кресле, постукивал белой тростью по полу и с ненавистью разглядывал не подчинившуюся подчиненную. Прошло две недели с того момента, как я ослушалась его приказа и сделала все, чтобы Адриан смог распутать дело с Уральским Купеческим банком. Но за эти две недели произошло очень многое. В том числе мой переезд в квартиру Адриана Шагалова на Малой Никитской. Квартира под счастливым номером «семь» стала моим щитом перед этим

человеком. И моим новым домом. С тех пор я прилежно посещаю офис Скрама, но делаю это лишь в те дни, когда его посещает сам Адриан Шагалов – самый загадочный ум современности. После случая с Уральским Купеческим банком, когда команда Скрама во главе с Адрианом Аароновичем обнаружила преступную группировку, осуществившую в центре столицы террористический акт, о нем беспрестанно пишут все новостные издания. Разбирают его жизнь на мельчайшие кусочки, ищут новые и новые подробности, караулят у дверей офиса. Кто-то называет его сумасшедшим, кто-то гением. И никто, даже мы, работники офиса Скрама, не знаем истинной правды.

Адриан Шагалов – молодой мужчина двадцати четырех лет отроду. Его команда, которая состоит из десятка человек на двадцать пятом этаже современного здания в центре Москвы и семидесяти двух на двадцать четвертом, создает новый, альтернативный интернет, и в числе прочих проектов выполняет правительственные задачи. Он гений, но он боится людей. Он боится шума и никогда не смотрит в глаза собеседнику. Врачи на расстоянии присвоили ему диагноз – расстройство аутистического спектра. Почему на расстоянии? Потому что он не подпустил к себе ни одного из них, как бы ни пытался изучить его гениальные способности его старший брат. Давид Шагалов старше Адриана всего на три года, он быстро построил непобедимую империю на таланте брата. Он все для Адриана и ничто одновременно. Давид Шагалов нормальный человек, у него нет ни странностей, ни отклонений. Он достаточно привлекателен, если бы не его заносчивость и любовь к власти, коею ему неосознанно дает его младший брат. Адриан увлеченно работает, не обращая внимания на людские слабости, а Давид купается в деньгах. Но стоит признать, как бы сильно я не была зла на этого мужчину – Давид Ааронович оберегает Адриана, хоть и делает это по-своему. Он не позволяет Адриану браться за опасные проекты, по крайней мере, пытается. Он ограждает младшего брата от неугодных, опасных людей, к коим причисляет меня. В первую очередь. Особенно ненавидит меня за то, как именно Адриан Ааронович познакомился со мной.

Около полутора месяцев назад я еще работала обычной официанткой. В ресторане, расположенном неподалеку от здания, в котором находится офис Скрама – самой влиятельной ИТ компании в этой части планеты. Обычной официанткой. Я обслуживала клиентов, вытирала столы, убирала посуду и боролась за чаевые. Мне всего двадцать лет и у меня нет высшего образования. Я приехала в Москву из Вельска, где осталась моя мама и младший брат, который болен настоящим аутизмом. Приехала к отцу, надеясь заработать денег для мамы, чтобы она могла содержать себя и братика. Какой-то месяц назад у меня не было особой надежды быстро заработать хорошие деньги. Я была

готова работать сразу и везде, лишь бы была возможность поддержать маму, которую бросил мой отец, как только родился на свет его необычный сын.

У меня не было надежды, она пришла ко мне сама. Случайно оказалась в ресторане, в котором я работала. Адриан Шагалов, человек, который никогда не выходил из-под опеки своего брата, ездил исключительно с охраной и личным водителем, на худой конец, с личным дворецким, опекающим его, как родной отец. Человек, всегда пребывавший в атмосфере строжайшей тишины, которая была жизненно необходима для его душевного равновесия, оказался в моем шумном ресторане. Поссорившись со старшим братом, он решил встретиться с клиенткой, женщина оказалась слишком говорливой и довела Адриана Шагалова до нервного срыва. Из которого, по иронии судьбы, мне пришлось его выводить. С того самого дня, сама того не ведая, я стала помощницей Шагалова младшего. Теперь он проводил встречи исключительно в ресторане и вынуждал меня ему помогать. Его кофейные глаза никогда не встречались с моими, за исключением того дня, когда мне пришлось сообщить ему, что это мой последний рабочий день на этом месте.

Я не забуду тот момент до самой смерти. Тот момент, когда бархатные, бесконечно глубокие карие глаза заглянули в мои и заставили меня дрожать всем телом, почувствовать, как под моими ногами задрожал пол и вся земля. В тот день Адриан Шагалов ничего не сказал мне, но уже через некоторое время у своего собственного подъезда я столкнулась с заносчивым юристом Наоми Моро, которая приехала ко мне домой для того, чтобы нанять на работу в самую крутую компанию столицы. И не кем-нибудь, а личным помощником самого Адриана Шагалова. Моя роль была проста – всего лишь быть перегородкой между внешним миром и умом этого загадочного человека. Благодаря тому, что в моей семье есть ребенок с подобным расстройством, я часто угадываю, что может не понравиться Адриану, а что до смерти напугать, лишит воли. Он не выносит толпу, не выносит слишком большого количества слов – для него все это превращается в оглушительный шум, который сводит его с ума. Я умею разговаривать с ним. Тщательно продумывая каждое обращение к нему и предельно урезая содержание таких обращений. Я служу ему переводчиком с обычного человеческого на язык, который способен понять Адриан Шагалов.

Все это предыстория, которая превратилась в историю моей работы на Скрам. Стоя в кабинете Давида Шагалова, я старалась сохранить лицо и с честью выдержать нападение брата своего шефа.

– Я изучила каждую композицию и запомнила окончание с началом. Да, я сделаю все возможное, чтобы успеть надеть наушники на Адриана Аароновича.

– Ну смотри,мышь, – Давид показал на меня пальцем, – помни, я жду малейшего повода тебя уволить. Буду безмерно благодарен, если ты мне его подаришь.

Этим вечером в ложе справа от сцены сидело три человека: Адриан Шагалов, Давид Шагалов и я, Наталья Олеговна Звонарь. Братья Шагаловы оба в черных смокингах и белых рубашках, а я в черном платье, усыпанном черными блестками. Мне даже страшно представить, сколько мог бы стоить мой наряд. Но это не самое удивительное в нем. Это платье с оголенной спиной и длиною до самого пола, как и красные лаковые туфли, заказал для меня мой работодатель. Он даже не узнавал мой размер – платье доставили в его квартиру на Малой Никитской сегодня утром. Коробки принял и передал мне несколько дней назад выписавшийся из больницы после ранения дворецкий Шагалова – Михаил Павлович Расторгуев. Его ранил киллер, нанятый акционером Уральского Купеческого банка, когда мой работодатель вел то сложное дело о террористах. У самой меня не нашлось бы таких денег. Это все Адриан Ааронович. Днем приезжал парикмахер, который поработал над укладкой моих длинных волос и шелковых волос цвета темного шоколада Адриана Шагалова. Сейчас я была похожа не на Наташу из Вельска, а на светскую даму, а мой шеф на принца из сказки. Единственное, что нарушало общий вид картины – громоздкие наушники у меня на коленях – их подбирала команда Скрама с двадцать пятого этажа. Этот аксессуар мощный настолько, что не должен пропустить даже звук сильного взрыва. Разумеется, если он не произойдет прямо у нас под ногами.

Мы слушаем Сонату № 1 и я считаю минуты, скоро будет окончание, тогда настанет мой черед позаботиться об Адриане Шагалове. А заодно позаботиться о своем рабочем месте.

Глава 2

Давид Шагалов с неудовольствием отпрянул от тяжелой занавески, уже почти час наглухо закрывавшей нашу ложу. В этом нудном ожидании он периодически вставал со своего кресла и отдвигая штору, выглядывал в зрительный зал.

Время шло – ничего не менялось. После антракта композитор и пианист Анатолий Алпаров так и не вернулся на сцену.

– Не вижу смысла ждать дольше! Я отвезу его домой, – заявил старший Шагалов вслух.

Не думаю, что он общался со мной, скорее разговаривал сам с собой. Мышь, по его мнению, не достойна общения. Давид стукнул тростью по своему стулу и навис над Адрианом.

– Мы поедем домой, – приподняв наушник на голове брата, тот сообщил ему. – Нет смысла больше ждать. Алпаров не выйдет на сцену!

Мне очень хотелось отобрать у него трость и треснуть его самого по голове! Разве он не знает, насколько важен этот концерт для Адриана?! Что такое час? Мы сидим в отдельной ложе, здесь тихо и никого нет. Да, в самом зале шумно, но наушники Адриана полностью поглощают звук, так что ничего страшного не происходит. Я уже боялась, как бы Адриан не согласился под давлением старшего брата, как вдруг его прохладная, аккуратная ладонь легла на мою руку. Не поднимая глаз ни на кого, Шагалов младший попросил меня, а не брата:

– Я прошу вас, узнайте, что случилось. Мы подождем здесь.

Секунду я пыталась принять услышанное, затем вскочила со своего стула, желая как можно быстрее выполнить столь желанную для меня миссию, но застыла в нерешительности и посмотрела на Давида.

– Ты что, мышь? – жестко усмехнулся он, проведя пальцами по своей короткой черной бородке. Смерил меня уничижительным взглядом с головы до ног. – Ты решила вдруг, что он с тобой в большей безопасности, чем со мной? Лети, а то, как бы мне не пришлось доказывать тебе обратное. Спустив тебя с балкона.

Не взирая на его выпад, я все же бросила последний взгляд на прямую спину своего шефа, только потом сорвалась с места и быстрым шагом направилась на выход. Мне надо найти кого-нибудь, кто бы мог знать, что произошло. Почему маэстро после антракта отказался продолжить свой концерт? Почему конференсье до сих пор не вышел к людям и ничего не сообщил? Лишь коротко всех оповестили, что ввиду непредвиденных обстоятельств антракт немного

затягивается. Мне мешало длинное платье и туфли на высоких каблуках – коридоры в консерватории были бесконечные. Людей, как и в зале, здесь было множество – кто-то выходил в возмущении, размахивая руками и громко высказывая свое недовольство, обиду на капризного композитора. Одна полная дама врезалась в меня своим плечом и даже задела длинным ногтем кожу на моей щеке, заканчивая широкий жест пухлой рукой.

– Простите, – фыркнула она мне. – Нет, подумать только! Алпаров в конце распоясался! – заявила она женщине, сопровождавшей ее. Вторая была одета значительно проще и скромнее, а также телом была гораздо стройнее. – Он думает, кроме него нет ни одного талантливого пианиста? А Стаканин? Борис Михайлович? А Еремеев? Решено! Больше на концерт Алпарова ни ногой! Сегодня же позвоню своему адвокату и велю потребовать с организаторов концерта компенсацию!

– Но Людочка, – кашлянула более худая, семена за представительной подругой, – разве адвокат чего-то может добиться? Вспомни историю с отмененным концертом в Ленинграде...

– В Санкт-Петербурге, душенька! Ты иногда говоришь так, как будто нам обоим по девяносто лет! Не обманывай окружающих своей притворной просвещённостью! Я позвоню адвокату и точка!

Я приподняла полу своего платья и ускорила, проскочила по зеленому холлу, пока не натолкнулась на дверь, явно ведущую в закулисы. Дернула за ручку – она оказалась незапертой. Как и снаружи, за этой дверью бегали туда-сюда взволнованные люди, и никто не обратил внимания на появившуюся без разрешения гостью. У меня была заготовлена отговорка на случай, если бы кто-то меня попробовал остановить, но она так и не потребовалась. Я без труда нашла нужную мне гримерную – возле нее толпилась целая куча людей в разномастной одежде, как позже выяснилось, здесь были все, от директора консерватории до помощника осветителя. Для начала, я тихонечко подошла к толпе и прислушалась – они так громко перешептывались, что не было никакой нужды спрашивать дополнительно.

– Алпаров сошел с ума? – прошептала стоявшая рядом со мной молодая девушка симпатичному молодому мужчине. Она, очевидно, ему нравилась, потому что тот с охотой ответил:

– Говорят, что да. Что-то кричит про то, что у него воруют мысли. Требуется вызвать бригаду из дурки и собирается уехать. Совсем сбрендил на старости лет.

– Почему на старости? – надула пухленькие губки девушка. – Ему же только пятьдесят, разве это старость?

– Ну, для его старых поклонниц он, может быть, еще вполне молодой. Но для юных красавиц уже древний старик...

Их перебил мужской вопль из гримерки артиста:

– Я не выйду на сцену и точка!!! Либо вы объясните мне, как это случилось, либо я отменяю все свои концерты, запланированные на этот сезон!

– О, снова заголосил, – хохотнул тот же молодой человек.

– А что у него случилось? – спросила девушка, встав на цыпочки и пытаясь поверх голов остальных любопытствующих, разглядеть композитора.

– У Алпарова украли песни, – на ребят оглянулся впереди стоявший пожилой мужчина. Волосы на его большой круглой голове были всклокочены, а глаза за толстой оправой древних очков казались вдвое больше, чем были на самом деле. – Пришел в гримерку перед антрактом, включил радио и услышал музыку и слова песни, которую на днях напевал в душе. Говорит, это не в первый раз. Поэтому и требует или вызвать правоохранительные органы, или докторов. Так как это либо кража, либо сумасшествие. Лично я в его помешательство не верю. Но и объяснить, как такое могло случиться, не могу.

– С ним возможно поговорить? – вмешалась я.

– А вы кто? – мужчина уставился на меня так, будто бы только что заметил. – Поклонница? Вас туда не пустят.

– Нет, я не поклонница. Я представляю человека, который может ему помочь. Я помощница Адриана Шагалова, руководителя...

– Я знаю, – мгновенно став серьезным, мужчина переменялся в лице. – Можете не продолжать. Но каким ветром?

Я не стала ничего скрывать, так или иначе, причину придется озвучить, чтобы попасть к музыканту.

– Так получилось, что этим вечером господин Шагалов присутствует в одной из лож и очень хочет дослушать концерт.

Взлохмаченные седые брови моего собеседника настороженно сдвинулись друг к другу:

– Настолько хочет, что готов заняться маразмом артиста? А вы точно его представляете, девушка?

У меня не возникло возможности ответить ему, из гримерки композитора снова раздался крик:

– Отменяйте концерт! Пусть все выметаются!!! Вон!!!

Следом за этим криком из помещения прямо в толпу любопытствующих выскочила невысокая женщина в вечернем платье, ее большие глаза были распахнуты настолько широко, что, могло показаться, того и гляди, вывалились бы из орбит. Женщина была взволнованна и перепугана.

– Леночка, Леночка, – остановил ее мой собеседник, поймав женщину за локоть, – Елена Тимофеевна! Погодите все отменять, тут у нас есть человек, который может оказаться полезным, – мужчина кивнул головой в мою сторону, а потом махнул мне рукой, утащив нас обеих в гримерку артиста.

Как только я последней переступила порог личного пространства Алпарова, мужчина, который привел меня сюда, закрыл за нами дверь и наконец-то воцарилась тишина.

– Рудольф Александрович! Что еще за самодеятельность?! Я же велел прекратить концерт и разогнать зрителей! Зачем вы привели Лену обратно? Я же только что отправил ее выполнять мой приказ!

В этой комнате в двадцать квадратных метров, где кроме стола для грима и дивана с двумя креслами, был еще и небольшой холодильник, все было поглощено нервной духотой. Единственное окно наглухо закрыто, кондиционера нет совсем. Не удивительно, что артист настолько зол, в подобной жаре сойдет с ума кто угодно.

– Анатолий Варданович, погодите отменять концерт. Кажется, подоспела помощь с весьма неожиданной стороны.

Сказав это, мужчина отступил в сторону и позволил мне выйти вперед. Алпаров посмотрел на меня с нескрываемым мужским интересом, особенно его взгляд споткнулся в том районе, где под платьем должен был быть бюстгальтер, но так как данная модель не предполагала ничего подобного – его там не было. Композитор быстро откашлялся и нашел мое лицо:

– Помощь от молодой леди? – поморщился артист. – И чем же она сможет мне помочь? Вы ясновидящая, детка? – выразительные брови метнулись вверх и даже, такое ощущение, его борода встала торчком. Черные глаза горели чем-то не очень нормальным. А еще говорят, Адриан Шагалов ненормальный...

– Нет, я не ясновидящая. Я случайно слышала о том, что произошло и уверена, что мой шеф сможет вам помочь. Именно по его просьбе я отправилась узнать, почему прерван ваш концерт. Он большой поклонник вашей игры на фортепиано.

Рудольф Александрович незамедлительно поддакнул:

– Речь идет о Шагалове и Скраме. Он сегодня в ложе.

– Что вы говорите? – Алпаров, наконец, сбавил тон и провел пальцами по седой бороде. – Шагалов? Слышал, слышал... Это тот, который скупал все билеты на мой концерт и тот ненормальный, который вроде как гений?

– Толя, может быть не стоит так? – кротко пропищала женщина, про которую я уже успела с успехом забыть.

– Помолчи, Леночка, – квакнул в ее сторону композитор. – Раз скупал, значит восхищается мной! Ну... хорошо, девушка. Так и быть. Я доиграю этот концерт, но вы даете мне слово, что Шагалов действительно возьмется за мое дело!

Я кивнула, но не забыла уточнить:

– Он возьмется и выслушает вас, но вам будет необходимо соблюсти правила общения с Адрианом Шагаловым, иначе разговор вовсе не состоится. Я с радостью проинструктирую вас...

Говорила я это уже маэстро в спину. Композитор вскочил со своего кресла и бросился к зеркалу поправлять длинные волосы. От меня лишь отмахнулся:

– Хорошо, хорошо, я помню, что он какой-то там особенный. Идите. После концерта пусть остается в ложе, как только зрители разойдутся, я выйду к нему. А теперь идите, мне необходимо готовиться к выступлению. Леночка! Объяви, что я доиграю концерт!

Поняв, что нет смысла оставаться здесь, я сделала несколько шагов в сторону выхода, но Алпаров остановил меня:

– Девушка! Подождите. Представьтесь, как вас зовут?

– Наталья Олеговна.

– Наталья Олеговна... – маэстро стрельнул в меня глазами через отражение в зеркале. – Что ж... Ждите меня после концерта, поговорим.

Глава 3

К моменту, как я вернулась обратно в ложу, Давид уже собирался уходить. Его это было задето и это его беспокоило гораздо больше, чем желания его брата. Я не показала ни лицом, ни словом, что думаю об этом. Хотя, честно говоря, купаясь в деньгах, заработанных трудом Адриана, можно было бы хотя бы один раз позаботиться о той самой курице, которая несет ему золотые яйца.

– А! Наконец-то и ты! Я уже думал, что тебя затоптали разгневанные зрители!

Вместо возражений или обидных слов в ответ, я подошла к своему начальнику и приподняла один наушник у него на голове:

– Концерт сейчас продолжится.

И вправду, мгновением позже всему залу было сообщено, что маэстро сейчас выйдет на сцену. Почти моментально воцарилась тишина – зрители уселись на свои места и в зале потушили свет. Давид отдернул занавеску, а я сняла с головы Адриана наушники.

– Интересно, как же тебе это удалось? Или это не ты? – недовольным шепотом озвучил свой вопрос старший Шагалов. Я ждала этого, поэтому сразу ответила:

– Это действительно благодаря мне. То есть... не мне, а моему обещанию. Дело в том, что у композитора Алпарова случилась большая неприятность, из-за которой он и прервал концерт. Я взяла на себя смелость пообещать, что если он доведет выступление до конца, то Адриан Ааронович поможет ему разобраться в его деле.

– О! А я был о тебе худшего мнения, мы... Наталья. Отлично! – Давид потер ладони друг о друга, облизал губы и показал тростью на сцену. – Пусть доиграет, и мы спокойно уедем домой.

– Как? Но я обещала ему от лица Адриана Аароновича...

– И что? Алпаров обязан доиграть концерт! Билеты проданы, зрители в зале, кем он себя возомнил? Имя Адриана не поможет ему, оно помогло полутора тысячам зрителей насладиться вечером до конца, а одному зазнавшемуся прохвосту не помешает немного охладеть в своей заносчивости!

Давид Шагалов, сидевший по другое плечо от Адриана, скривил губы:

– Тем более, ты просто помощница. Тебе никто не давал ни права, ни разрешения, ни таких полномочий, что-то обещать от имени Адриана. Кто такой Алпаров? Он – обнаглевшая сошка, которую по глупому стечению обстоятельств

любит слушать мой брат. Таких сотни! Адриан же один. Он работает над проектами мирового масштаба, работает на правительство. Он слишком дорогая лошадка, чтобы на нем ездили все, кому не лень. Политики, руководители предприятий, богатейшие люди и даже президенты ждут, когда Адриан сможет заняться их делами, а он, по мнению недалекой помощницы, должен помогать кому-то там? Пианисту? Да черт бы с ним! Мы едем домой и точка. Адриан, наслаждайся концертом и забудь все, что наговорила тебе эта глупая, ох, я прошу прощения, очень глупая помощница, – отвратительный человек еще и манерно поклонился в мою сторону.

– Что случилось у Алпарова? – перебив брата, Адриан отчеканил каждое слово.

Старший Шагалов моментально возмущенно встрепенулся. Более крупный, чем его гениальный брат, он взмахнул руками, как ястреб над добычей:

– Адриан! Ты не обязан, мы едем домой!

Но его брат, упрямо глядя на свои колени, повторил вопрос:

– Что случилось у Алпарова?

– Там была суматоха. Не очень понятно, но композитор кричал что-то о том, что у него воруют его мысли. Вроде как, он накануне напевал придуманную им мелодию в душе, а сегодня услышал ее по радио в исполнении известных музыкантов. Все бы ничего, но это уже не в первый раз. Он хотел и вовсе отменить концерт и либо вызвать полицию, либо докторов из сумасшедшего дома...

– Лучше второе, – проворчал Давид Ааронович, он не стал продолжать, потому что тот, о ком шла речь, как раз вышел на сцену, помахал рукой сидевшим в зале и опустившись на кресло подле рояля, принялся играть.

– Я поговорю с ним, – сказал мне мой шеф, проигнорировав выпад брата и начавшую звучать мелодию. – Когда мы должны встретиться?

– После концерта, как только разойдутся зрители, он придет прямо сюда.

Давид хотел что-то возразить, но младший Шагалов уже согласно кивнул мне и поставил тем самым точку в этом споре.

Концерт продолжился. Брат моего шефа еще не раз стрельнул в меня ненавидящим взглядом, но поделаться ничем не мог, ему пришлось смириться с обстоятельствами, а меня начало терзать отвратительное чувство, что снова сделала что-то не так. Как в тот раз, в случае с Уральским Купеческим банком. Именно я приняла решение не мешать Адриану Шагалову, и уже очень скоро его кабинет был обстрелян с внешней стороны, а когда стрелку не удалось добраться до него таким образом, он пришел к нему сам и пырнул ножом старого дворецкого. Михаил Павлович долго лежал в больнице, я не раз ходила в храм поставить свечку за его здоровье. Слава богу, он выкарабкался. Теребя дешевое колечко на пальце, которое мама подарила мне давным-давно, я терзалась сомнениями, как бы снова не допустить той же ошибки. Ведь в тот раз Давид оказался прав. Если говорить о безопасности его брата. Я? Я тут ни при чем. Адриан один такой, а таких как я мышей на белом свете миллионы.

Доиграв последние три части концерта, Алпаров несколько раз поклонился, на бис не вышел. Цветы у зрителей собрали его помощники. Мы остались в ложе. Давид Ааронович расхаживал по нему взад и вперед, стуча своей тростью об пол с таким гневом, что я уже начала бояться, как бы не проделал в покрытии значительную дыру. Адриан преспокойно окунулся в свой блокнот и выводил в нем формулы, пока я не сняла с его головы наушники – это произошло, как только из зала исчезли все зрители. Приближение же Алпарова мы все услышали издали. Композитор так громко возмущался, что я поспешила выскочить в коридор с намерением остановить его. Я захлопнула за собой дверь в ложу и преградила ему и его свите путь.

– Стойте, Анатолий Варданович! Мы с вами договаривались, что сперва вы выслушаете, как необходимо вести себя в присутствии Адриана Шагалова.

Композитор резко остановился, откинул седые волосы назад и воззрился на меня, как царь на служанку:

– Что? Ах, ну да. Он же «особенный». Ну, давайте, говорите, как именно я должен вести себя с вашим шефом!

– Во-первых, вы зайдете в ложу один. Без сопровождающих. Во-вторых, говорить нужно спокойно, медленно и только по делу. Желательно совсем без эмоций.

– Как это?! – он снова задрал свои широкие и кустистые брови вверх. – Я и без эмоций?! Я, девушка, к вашему сведению, артист! Мы не умеем общаться без эмоций. Эмоции, страсть – это наша жизнь! Только так мы общаемся с миром и с людьми!!!

– К сожалению, – я настояла на своем, – вам придется с этим справиться. Иначе Адриан Ааронович вас просто не выслушает.

– Это как, не выслушает?! А ну-ка, отойдите в сторонку! Сейчас я поговорю с этим Шагаловым! Что он возомнил о себе? Нормального человека выслушать не может? Сейчас я ему покажу! Я из-за него концерт не отменил, а он мне теперь условия ставить?! Сейчас я с ним разберусь по-мужски! Ишь, удумал, особенный!

Алпаров не просто возмущался – его зычный голос сотрясал стены консерватории. Даже мне уши заложило. Он невежливо отодвинул меня от двери, отпихнув в плечо (хоть я девушка и значительно ему уступаю в росте) и схватился за ручку на двери, с четким намерением вломиться в ложу.

– Анатолий Варданович!!!

Меня он не услышал. Зато услышал тех, кого я не успела заметить, но кого, как выяснилось, успел вызвать Давид – двух вышибал в костюмах. Вышибалы взялись из ниоткуда, их лапищи легли на плечи композитору и оттащили артиста в сторонку. Дверь в ложу тут же распахнулась и оттуда, прикрывая собой, Давид вывел Адриана. Теперь уже мой шеф не возражал против того, чтобы нарушить свое слово. Я поспешила за ними, пытаюсь унять огонь, покрывший мое лицо – оно горело от стыда. Какого черта? Я действительно опростоволосилась. Этот ненормальный композитор не сдержал своего слова, как и догадывался Давид Ааронович.

– Мне бы стоило заставить тебя идти пешком, – оскалился Давид Шагалов уже у автомобиля Адриана.

За нами приехал Михаил Павлович, несмотря на еще не очень хорошее самочувствие, он не только подогнал автомобиль, но и вышел открыть дверь своему начальнику и мне.

– Добрый вечер, Наталья Олеговна, – видя, как на меня ругается Шагалов старший, Михаил Павлович громко поздоровался со мной и стал подавать красноречивые знаки своими выразительными глазами, означавшими только одно – мне стоит скорее сесть в машину, рядом с Адрианом и тогда я буду спасена. Но Давид, прежде пропустить меня в машину, успел высказать еще кое-что:

– Смотри, доиграешься, мыш, – проскрипел он полушепотом, – я тебя не просто уволю, с лица земли сотру. Будешь за своим безмозглым братиком сопли подтирать в далеком Вельске...

Понятия не имею, как это получилось. Она сама. Моя рука. Я только увидела, как она вдруг оказалась на его жесткой щеке. И пусть для такого крупного мужика мой удар, как укус комара, но я это сделала. По-моему, мы опешили оба.

– Наталья Олеговна, – Михаил Павлович разрешил всю ситуацию, он подошел ко мне, спешно подхватил под локоть и почти запихнул в салон машины, оставив Давида потирать ушибленную щеку.

Я рухнула на сиденье рядом с Адрианом Шагаловым, который не видел и не слышал ничего из того, что произошло и первая мысль, которая пришла мне в голову – мне конец.

Через секунду на месте водителя оказался Михаил Павлович, он завел двигатель, потянул ноздрями воздух и с наслаждением выдохнул:

– Какой дивный и интересный вечер, не находите, Наталья Олеговна?

На Малой Никитской, в квартире под номером семь царило спокойствие, нарушаемое лишь ароматами, доносящимися из кухни на первом этаже двухуровневой элитной жилплощади. Повар, Борис Емельянович Академин, готовит ужин. Сегодня вечер пятницы – время, когда в доме, являющемся настоящим убежищем Адриана Шагалова, стираются границы между владельцем и его подчиненными и вся «семья» садится за один стол. Я узнала об этом порядке в первый же день, как переехала сюда – как и перед поступлением на службу в Скрам, меня инструктировали о заведенных порядках в новой для меня среде и на новой территории. Каждую пятницу, если в жизни младшего Шагалова не происходило ничего из ряда фантастики (а такое могло случиться в любой момент), он сам и его работники, проживающие в его доме, собирались за одним столом. Каждый вечер был торжественным. Академин полюбил эту традицию и старался накрыть стол как можно лучше, фактически, он соревновался сам с собой. Ужин происходил в торжественной обстановке – на столе горели свечи, посуда и приборы выбирались праздничные, присутствующие одевались в вечерние наряды, к ужину подавали особенные напитки. Как объяснил Борис Емельянович – он за неделю «до» сообщал Адриану Аароновичу меню, а тот заказывал из заграницы алкоголь. Особенным было и то, что Адриан Шагалов перед началом ужина коротко рассказывал о выбранном напитке.

Еще вчера я ждала этого события со жгучим азартом. Это должен быть мой второй пятничный ужин в доме Адриана Шагалова. Но уже сегодня мне стыдно выходить из комнаты, в которую заселилась несколько недель назад. Сажу в зеленой комнате на кровати и закрываю лицо руками. Мы только что вернулись из консерватории. Как я могла? Нет, ну как я могла его так подставить?! Лучше бы вообще не было этого концерта! Проклятый композитор за время, пока мы ехали домой, успел наябедничать журналистам и уже все новостные порталы трясут сообщениями о том, что Адриан Шагалов обманул знаменитого музыканта!

Мой взгляд уткнулся в зеркальную поверхность белого шкафа. А с другой стороны? Я сделала то, что должна была! Концерт состоялся? Состоялся. Давид Шагалов, хоть и в жестокой, привычной себе манере, был абсолютно прав – композитор зазнался. И он получил по заслугам. В новостях покричат и забудут. Что они могут сделать Адриану Шагалову? Репутация? Его гениальность не померкнет из-за сплетен вокруг его репутации.

Я поднялась с кровати, осмотрела себя в зеркале и поправила вечернее платье. Пора спускаться к ужину. Адриан Ааронович пока ничего не сказал, а если скажет – я отвечу ему именно этими словами. Есть, конечно, маленькая оплошность. Маленькая такая оплошность... Меня ведь изначально отправляли просто узнать, что случилось с концертом, а не приказывали организовать его продолжение любыми средствами и силами...

– Что сделано, то сделано, – это я произнесла, глядя на свое отражение.

Что бы ни сказал Адриан Ааронович, я намерена бороться за свое место под солнцем. Я уже две недели проживаю в его квартире. После дела с Уральским Купеческим банком мне было предложено переехать сюда. Об этом раньше предупреждал Михаил Павлович. В первый же день, когда я переступила порог этой квартиры. В тот день я не поверила ему, а теперь уже несколько недель просыпаюсь и засыпаю под крышей бледно-зеленого дома на Малой Никитской. После крохотной квартиры без ремонта принадлежавшей моей мачехе, в этом доме постройки конца девятнадцатого века, я чувствую себя принцессой, хоть по сути являюсь обычной помощницей.

– Не обычной, – опять вырвалось у меня полусшепотом вслух.

Не обычной помощницей. Мои обязанности мне не понятны. Единственная задача более ли менее ясная – это быть рядом с Адрианом Шагаловым. Делать то, что он скажет и делать так, чтобы он был в безопасности. В моем старом ресторане, в те дни, когда мы только познакомились, я сравнивала свое отношение к будущему шефу, как отношение к брату. Никита с рождения был особенным. Более особенным, чем Адриан Шагалов. Чем больше я узнавала Шагалова, тем больше начинала и начинаю понимать, что отношусь к нему совсем не так, как к брату.

Я до сих пор помню его слова, заставившие меня окунуться в горячую дрожь: «Вас напугали сегодня. Вы хотите отказаться работать на меня?».

Мне очень хотелось прокричать в ответ, что ни при каких обстоятельствах, даже под дулом пистолета, я не собираюсь никуда уходить добровольно. Так бывает в жизни, что люди, обладающие поистине добрыми сердцами, становятся слишком уязвимыми для других. Они сами не понаслышке знают, что такое пуд горя. Адриан Шагалов это действительно хорошо знает. Иногда у меня складывается

такое впечатление, что он не разговаривает с людьми лишней раз, избегает их именно по той причине, что ждать от большинства из них ничего хорошего не стоит. Иногда даже обычные, бессвязные речи могут быть наполнены таким количеством глупости, которая способна довести умного человека до настоящего приступа.

Я умею молчать и слушать, говорить так, как надо. Отчасти поэтому я получила возможность быть здесь. Проводить время рядом с Адрианом Шагаловым в его кабинете, сидеть в кресле и слушать, как по листам в его блокноте рисует его карандаш. Поправлять сбившиеся бумаги на его столе, следить за тем, чтобы и дома, и в офисе все было идеально. Ровно так, как он любит и как должно быть, чтобы он чувствовал себя спокойно.

Я покосилась на дверь – где-то в глубине квартиры раздался звонок. Посетители? В такой час? Это не может быть Давид Шагалов, его к пятничному ужину не приглашают. Тогда, кто?

– Моя фамилия Алпаров, я желаю поговорить с Шагаловым!

Громкий голос композитора я услышала еще на втором этаже. Бесшумно спустилась на несколько ступенек, пока не увидела своими глазами неожиданного гостя. Этот наглый тип после всего того, что сделал, посмел явиться в дом к Адриану Аароновичу?

– Ага! – вскричал разгоряченный музыкант, завидев меня. Он был одного роста с Расторгуевым, открывшим ему дверь, но разглядел меня, потому что я все еще стояла на ступеньках. – А вот и его помощница! Что же вы убежали, звезда моя? Мы так не договаривались!

Я расправила плечи и вышла из засады. В конце концов, чего мне бояться? Он же не террорист с пистолетом! Кстати, об этом. После ранения Михаила Павловича, на входе в здание сидит охрана и стоят ворота-детекторы металла, данную опцию для всего дома оплачивает Скрам – это было решение Давида Шагалова. Адриан не возражал. Так что теперь можно быть уверенными, что люди, которым открывает Расторгуев, пришли без оружия, как минимум. А еще за дверью сейчас стоит один из охранников, дверь не закрыта – в случае необходимости, по инструкции он войдет в дом и вмешается в ситуацию.

– Мы также не договаривались с вами, что вы будете кричать. Я говорила вам, что вы пройдете инструктаж, в иной ситуации разговор вовсе не состоится. Вы меня не послушали – он не состоялся.

– Какой инструктаж?! Что за чушь?

– Я вам объясняла, как именно необходимо разговаривать в присутствии Адриана Шагалова. Кстати, вынуждена вас предупредить – если вы не сбавите тон, охрана вас выведет отсюда силой.

– Что-о-о?! – возмутился достопочтенный композитор.

Такое ощущение было, от этого возмущения встали дыбом не только волосы у него на голове, но и седые брови, а вдобавок к ним седая бородка, за которую он имел привычку постоянно хвататься.

Композитор следил за своей внешностью. Я повидала таких в ресторане – что ни вечер – постоянно приходят с новой дамой. Вешают красивые комплименты им на уши, пьют дешевым шампанским, дарят один цветок, потом по-тихому еще и с официантом за счет торгуются. Одновременно успевают строить глазки другим женщинам в зале и постоянно пытаются залезть под юбку к официантке. Этот ничем от них не отличается, разве только денег у него немного больше.

– Вам что-то непонятно, господин Алпаров? – вежливо осведомился у гостя, застрявшего на пороге, Расторгуев. Дворецкий тоже был в курсе, какой грязью данный субъект поливал в новостях нашего общего шефа.

Композитор явно не ожидал такого отпора. Как же! Он же знаменитость!

– Вы это серьезно? – Алпаров уставился на меня.

– Абсолютно, – кивнула я, еще немного приблизившись.

Расторгуев уже было поднял руку, чтобы позвать охранника, но напыщенный фронт на пороге сразу как-то сник, насупился и неожиданно заговорил тише.

– Хорошо. Я понял. Хорошо, – прорычал последнее слово дворецкому сквозь зубы. – Я понял, не видите? Ни к чему охрана. Я хочу поговорить с Шагаловым. Черт с ними, с вашими условиями. Сделаю все, как скажете. Пустите меня к нему.

– А волшебное слово? – усмехнулся Михаил Павлович, глядя на того из-под тонких круглых очков.

– Я еще и просить должен?

– После всего того, что вы наговорили журналистам... Как вы сами считаете, господин Алпаров? Это он вам нужен, а не вы ему, – Расторгуев явно наслаждался ситуацией, его любимого Адриана Аароновича обидели и сейчас ему выпал шанс лично отомстить за обиду «почти сыну».

– Черт вас дерит... Пожалуйста. Я хочу поговорить с Шагаловым.

Дворецкий совершил легкий одобрительный кивок головой, но его ответ прозвучал следующим образом:

– Время и возможность разговора вы можете согласовать с личной помощницей Адриана Аароновича – Натальей Олеговной, а я со своей стороны скажу, что в ближайшие два-три часа господин Шагалов будет занят.

Отомстил! Ну, конечно! Я видела только затылок Михаила Павловича, но кожей ощущала его ликование – оно витало в воздухе. Да уж! На самом деле отомстил! Композитор стоял на пороге дома Шагалова, злился, был в ярости, сжимал и разжимал кулаки – и не мог ничего поделать. Мы могли вить из него веревки, так сильно ему был нужен разговор с хозяином дома.

Глава 5

– Наталья Олеговна, еще вина?

– Нет, спасибо.

– Что же вы отстаёте от нас, вечер только начался?

– Спасибо, Михаил Павлович, я лучше воздержусь.

Дворецкий, этим вечером сменивший привычный фрак на светло-серый кашемировый костюм и смелую, цвета розового вина рубашку, подлил себе еще немного белого вина. На ужин Академин подал нам всем рыбу, поэтому выбор Адриана Аароновича пал именно на это вино. Теперь я немного в этом разбираюсь.

В начале ужина после того, как все расселись по своим местам, Адриан взял одну из принесенных с собой бутылок вина, которые доставили несколькими днями раньше, передал ее в руки Борису Емельяновичу и опустившись на свой стул, немного рассказал об этом напитке. Не в первый раз я с замиранием слушала, как звучал его голос. Каждое слово он произносил очень мягко и аккуратно, будто был не уверен в том, что скажет правильно. Он настолько редко разговаривал, что это было совсем неудивительно.

– Д-домэн де Мариньер, две т-тысячи восемнадцатого года. Это б-белое вино имеет легкий желтый оттенок, обладает ароматом белых цветов и фенхеля. В его вкусе присутствуют ноты копчености и свежести. В-винодельня, на которой произвели вино, уже более пятисот лет располагается в Сансерре, в самом центре региона Луары, во Франции. Поместье де Мариньер расположено на кремнисто-глинисто-известняковых почвах и на песчаной земле. Прежде поступить в продажу, это вино созревает около пяти месяцев и лишь потом появляется в магазинах Франции. Совиньон блан – к-классический сорт винограда для белого вина, терпко-кисловатый привкус в-всегда хорошо сочетается с рыбой. Именно Долина Луары стала родиной этого сорта винограда, в наши дни он растет уже по всему м-миру.

– Ум... – Академин в предвкушении потер друг о друга ладоши. Повар дома Шагалова был сегодня напротив, не в поварской одежде, а в строгом черном костюме. – У меня уже слюнки потекли. Разливайте, Михаил Павлович, разливайте! Только...

– Что, только?

Расторгуев, вставший во весь свой гигантский рост, задержал руку с бутылкой, из которой уже была готова капнуть первая капля вина в ближайший к нему бокал. Он посмотрел на повара из-под своих очков, будто бы намертво расположившихся на бледном лице. Академин прищурился и хитро улыбнулся:

– Только можно ли вам алкоголь, Михаил Павлович? Вы лишь три дня, как из больницы выписались.

Расторгуев даже бровью не повел, продолжил делать то, что собирался до вопроса с подначкой со стороны кулинара:

– Занимайтесь рыбой, Борис Емельянович. У Натальи Олеговны и Адриана Аароновича все еще пустые тарелки. А о моем здоровье, с вашего позволения, я подумаю сам.

Мужчины привычно схлестнулись в легкой домашней перепалке. Дело все в том, что за время отсутствия Михаила Павловича в доме, игуана по кличке Моржик, принадлежавшая повару, несколько раз пробиралась в комнату дворецкого и приставала к его попугаю – результатом было два вырванных пера из хвоста пернатого. Естественно, Расторгуев моментально узнал о происшествии и сразу же поспешил отчитать беспечного Академина, вечно забывающего закрывать дверь в свою комнату. Дворецкий требовал от повара, чтобы тот избавился от своего животного, последний, разумеется, не соглашался ни в какую. На кухне стояли крики: «Это дикое животное не должно существовать на одной территории с людьми – оно опасно». «Абсолютно с вами согласен, Расторгуев, ваш попугай действительно опасен, не дай бог выберется из клетки и заклюет всех жителей квартиры! Вы видели, какой большой у него клюв? Я слышал, этот вид попугаев питается человечиной!». «Как вы смеете, Академин?!» – возмущался в ответ дворецкий. В результате, мне пришлось вмешаться и напомнить, что в этой квартире нельзя шуметь. Это было очень нелегко – мужчины разбушевались не на шутку – Михаил Павлович даже вызвал на дом ветеринара, чтобы тот осмотрел пострадавшего Кешу. Звериный доктор с умным видом заверил Расторгуева, что жизни попугая не угрожает ровным счетом ничего. Но он так и не успокоился, даже за столом исподтишка рычал на повара, а тот в ответ стрелял выразительными глазами. Я незаметно наблюдала за своим шефом – к счастью, Адриан не реагировал на них, ничего схожего с беспокойством в консерватории. Он с привычным отсутствующим видом принялся за рыбу, которую деликатно положил в его тарелку Академин. Тонкие пальцы очень ловко справлялись с вилок и ножом. Я снова потерялась в том,

есть ли у этого прекрасного мужчины отклонения. Теплый отблеск от пламени свечей покрывал необыкновенным сиянием его шелковые волосы, подстриженные уверенной рукой профессионального парикмахера. Впалые щеки делали мужские скулы еще более выразительными, а бледному, худому лицу придавали оттенок аристократичности. Как всегда идеально выглаженный белый воротничок рубашки был затянут строгим галстуком, а лацканы черного пиджака смокинга подыгрывали сиянием световому отблеску в его волосах. Как и каждый теперь ужин, завтрак и совсем нередко обед – я сидела по правую руку от своего молчаливого начальника.

– Наталья Олеговна, – Академин, сидевший по правую руку от меня, слегка наклонился ко мне и проговорил, – как вам рыба? Вы кушайте, кушайте, я очень старался. Выпейте и вина тоже, позже будет кофе и клубничный торт, так что вы не успеете захмелеть и сможете вернуться к работе.

Ну, вот! Мне стало вдвойне неловко. Мало того, что я уже во второй раз, получается, уговорила своего шефа встретиться с композитором (который, к слову, в этот момент сидит тише воды, ниже травы в гостиной в компании охранника и ждет, когда закончится ужин Шагалова), так еще и Адриан Ааронович вынужден снова есть девчачий десерт просто потому, что я как-то за завтраком неосторожно ляпнула Борису Емельяновичу о том, что мне нравится такой торт. Став пунцовой даже на оголенной спине, теперь уже я наклонилась к Академину и дождавшись, когда он подставит мне свое ухо, прошептала ему:

– Борис Емельянович, не надо было делать этот десерт, ведь он навряд ли нравится Адриану Аароновичу.

Губы Академина тронула еле заметная улыбка, он согрел меня отеческим взглядом:

– Наташенька, в этот раз в меню были внесены изменения и их внес не я.

Подбородок повара дернулся вперед, и я посмотрела, куда он указывал – на нашего шефа, который невозмутимо ужинал, не поднимая загадочных кофейных глаз на присутствующих. Он тоже пригубил вино из своего бокала, сделанного из тончайшего итальянского стекла.

– Борис Емельянович, – вмешался Михаил Павлович, – ваша запечённая дорада с рисом басмати просто великолепна!

Улыбка на лице дворецкого красноречиво говорила о том, что он крайне доволен и временно простил Академина.

– Так выпьем же за это, – подняв свой бокал с вином и расправив свои густые усы, сказал повар, – пусть вкусная еда всегда приносит мир и спокойствие в каждый дом!

– Вы знаете, – крикнул Михаил Павлович, – это тот редкий случай, когда я, пожалуй, соглашусь с вами!

– А вы, Наталья Олеговна, расскажите, как прошел концерт. Если не считать неприятного скандала, действительно ли Алпаров так гениален, как о нем говорят?

В этот момент моей руки, лежавшей на столе со стороны Адриана Аароновича, коснулся краешек хлопчатобумажной салфетки, которую он только что положил на стол. Салфетки были большими, а места между нами практически не было. Я снова залилась краской.

– Я... я не очень хорошо разбираюсь в классической музыке. Если совсем честно – я впервые была на живом концерте.

Мне показалось или я все-таки уловила микродвижение кончика брови Адриана Аароновича? Он как будто на мгновение приподнялся вверх и тут же опустился. Дрожь пробежала по моей оголенной спине, я все еще была в том платье, которое было заказано специально для этого вечера. Когда мы уезжали в консерваторию, и Борис Емельянович, и Михаил Павлович успели одарить меня комплиментами, но они не сопровождали свои слова сальными взглядами, как это сделал Алпаров.

– Но мне показалось, что звучало очень красиво, – поспешила добавить, желая отвлечь собеседников от созерцания моих покрасневших щек.

– Ну, – опять крякнул Расторгуев, подмигнув мне через свои очки, – в таком случае, есть надежда, что Адриан Ааронович не зря во второй раз согласился ему помочь.

– Вот так номер! Адриан Ааронович! – Академин возмутился и даже отложил вилку с ножом. – Неужто вы решили помочь этому прохиндею?! Я как увидел, какой грязью этот Алпыгин...

– Алпаров, Борис Емельянович, – поправил его дворецкий.

– Да не суть! Алпыгин, Алпаров... Как он посмел так отзываться о вас? И еще по Наташеньке... В смысле, по Наталье Олеговне прошелся. Мол обманули вы его. Это ж как обманули-то? Тем, что билеты на его паршивый концерт купили? Или тем, что заставили негодяя доиграть? А я помню, помню, сколько раз Давид Ааронович пробовал устроить вам личный концерт, а он все отказывался. И деньги, заметьте, не возвращал. Ишь, цаца!

Я давно заметила, насколько спокойно Адриан относился к своим домашним. Вот сейчас, к примеру, Академин повысил голос, говорил много, а Шагалов преспокойно ужинал и ничто ему не мешало. Похоже, все-таки все очень зависит от того, кто тот человек, повышающий голос. Хаотично бегущая толпа? Но она будет неприятна любому человеку. Как в консерватории этим вечером – все зрители разом ринулись на выход, чуть друг дружку не затоптали, не смотря на дорогие костюмы и платья. По дороге успевали ругаться, как пьянчужки у нас в Вельске.

– Ой, не говорите, не говорите, – показав на собеседника вилкой, закивал седой головой Михаил Павлович. – Им бы только попасть к Адриану Аароновичу на встречу. Что не сделают ради этого!

– Согласен, с вами. Даже концерт прерывают, – в свою очередь Академин указал своей вилкой на Расторгуева и потряс ею в воздухе, получилась своеобразная дуэль, мужчины не касались предметами, но выглядели в этот момент презабавно. – Как только услышат фамилию Шагалова, так сразу спрашивают «который».

– Вы думаете? – почесал гладковыбритый подбородок Расторгуев. – Думаете, это был запланированный акт?

– Вполне возможно!

– А что мы гадаем, собственно? Давайте спросим у Натальи Олеговны. Вы же видели его, – дворецкий уставился на меня, – как считаете? Он специально подстроил срыв концерта?

За меня ответил тот, от кого этого ответа никто не ждал. Адриан Шагалов задумчиво произнес:

– Н-нет, Алпаров н-ничего не подстраивал. Он артист, импульсивный. Если бы он б-был настолько умен, то сразу бы догадался о прослушке у себя д-дома.

Я продолжила за Шагалова:

– Вместо этого он сорвал концерт и топал ногами, требуя, чтобы кто-нибудь, он сам не знает кто, разобрался с его проблемами.

– А он топал? – толкнул меня плечом в плечо Академин.

– Еще как! Топал и кричал. Требовал отвезти его в сумасшедший дом.

– И вы, Наташенька, пообещали ему аудиенцию у Адриана Аароновича? – опять толчок в плечо от повара.

– Пообещала, – покаялась я, опустив голову.

– А он?

– А он обещал, что пройдет инструктаж, прежде чем входить в ложу, а сам ворвался туда, топая ногами и крича.

– Ну, понятно, – вздохнул Расторгуев. – Хорошо, что с вами был Давид Ааронович. Хоть характер у него тяжелый, но вам, Наталья Олеговна, при всем желании с вашим хрупким телосложением и добрейшим нравом не выстоять против опытного дебошира.

– А Алпаров дебошир, – поддержал дворецкого Академин, показав указательным пальцем вверх.

Под их разговор, мои мысли унеслись в тот момент, когда я поднялась к Адриану Аароновичу в кабинет, уговорить его встретиться еще раз с Алпаровым. Естественно, было бы разумнее выставить композитора за дверь – зачем этот скандалист с большим именем сдался моему начальнику? С одной стороны. Но с другой... Я все никак не могу забыть, как оживал Адриан в те моменты, когда ему подкидывали загадки. Стоило ли снова ворошить все? Я решила рискнуть – как минимум предложить я могу, а он может отказаться. В конце концов, если бы он сказал мне выставить вон Алпарова, я бы так и сделала тем более, что охранник все еще находился в квартире. Я постучалась в кабинет к Адриану и вошла без разрешения – он бы никогда не ответил на стук.

Продумала каждую фразу и встав сбоку от его стола, чтобы не раздражать его лишний раз, сообщила:

– Пришел Алпаров. Просит прощения. Очень хочет, чтобы вы ему помогли. Распутать его дело.

Повисла пауза. Адриан довольно долго молчал, в то же время мою голову немного повело. В кабинете были закрыты окна, здесь теперь везде двойная защита, которую установили после нападения убийцы. Комната наполнена теплом и приятным, очень тактичным запахом его одеколона. Шагалов спокойно произнес:

– Х-хорошо.

А потом добавил, не поднимая ни головы, ни кофейных глаз:

– П-после ужина.

Выходя из кабинета, в голове пронеслась мысль, что я готова хоть десять раз сталкиваться с таким вот Алпаровыми, лишь бы у меня был повод и возможность снова и снова входить в его кабинет. Я спускалась по лестнице и чувствовала, как горели мои глаза.

Глава 6

По просторной квартире разлился мелодичный звук, Расторгуев допил свое вино и промокнув губы, поднялся из-за стола:

– Похоже, Артем Андреевич с Сергеем Витальевичем приехали. Как раз вовремя, точно по часам.

В подтверждение своих слов, дворецкий отодвинул манжет и взглянул на часы у себя на запястье.

– Адриан Ааронович, я проведу их в гостиную, а затем подам кофе и чай прямо туда.

Уже зная своего хозяина, Расторгуев не спрашивал разрешения, скорее озвучил свои намерения. Оставалось удивляться, когда мой шеф успел вызвать ребят из Скрама и в добавок оповестить об их приезде Михаила Павловича.

Я поднялась из-за стола на мгновение позже Адриана, и мы оба направились в сторону холла, там же был вход в просторный зал, где уже несколько часов в компании охранника ожидал аудиенции Шагалова заносчивый композитор. В холле двое скрамовцев здоровались с дворецким. Первым въехал на своем инвалидном кресле Артем:

– Добрый вечер, Михаил Павлович, – протянул он отчество Расторгуева на букве «а» и весело поклонился одной головой, дворецкий ответил ему в той же манере и улыбнулся несколько шире, чем обычно улыбался другим людям. Наверное, Михаил Павлович симпатизирует мужественности Артема, поэтому выделяет того среди остальных.

– Добрый вечер, Артем Андреевич. Вам я приготовлю ваш любимый капучино с шоколадом. Как поживает Маккиннон?

– Отлично! Растолстел, – подмигнул ему Боярский в ответ и проехал вперед, позволив наконец-то и Лисовскому войти внутрь.

Даже я уже знаю, кто такой Маккиннон. Это домашний питомец Боярского, желтая змея. Дня не проходит, чтобы он не рассказывал остальным, как она поживает. Дома Артем установил камеру и целый день в прямом эфире наблюдает, как тот спит, ест и ползает. Говорит, что вид Маккиннона его успокаивает.

– Добрый вечер, Михаил Павлович! – следом переступил через плоский порог Лисовский.

– Добрый вечер, Сергей Витальевич! Ваше пиво уже достаточно охладилось. Прошу в зал.

Расторгуев показал парням направление, куда стоит проходить, там же несколько секунд назад скрылся Адриан Шагалов. Стоит заметить, скрамовцы этим вечером выглядели не как обычно. На работе они позволяют себе одеваться как вздумается – майки, джинсы, в лучшем случае на ком-то из них будет рубашка. Но этим вечером, приглашенные в дом Адриана, они оба принарядились. До пиджаков дело так и не дошло, но Артем был в бордовой рубашке и брюках, а Сергей остался в джинсах, но серую рубашку так-таки натянул. Пока я, стоя возле лестницы наблюдала за ними, скрамовцы успели заметить меня. У Сергея вытянулось лицо, а Артем просиял.

– Ба! – воскликнул Боярский из своего кресла. – Вот это номер, Звонарь!

– Заставьте меня это развидеть, – выдавил Лисовский, потеряв свою челюсть где-то в районе шеи.

– Господа, – Михаил Павлович еще раз указал им обоим рукой на вход в зал, – вас ждет Адриан Ааронович, не стоит заставлять его так долго ждать. И вас, Наталья Олеговна, прошу поспешить. Вы же знаете, насколько ваше присутствие важно для господина Шагалова.

Будто бы очнувшись, я сорвалась с места и быстро прошла мимо парней в зал, попутно бросив им тихое «привет». Меня проводили взглядами, горячее любопытство которых осело на моей оголенной спине. Я еще немного ускорила – чувства, вызванные мужским вниманием, были мне незнакомы. Раньше со мной такое никогда не случалось – работу в ресторане я не считаю, приставания, которые отвешивали не раз подвыпившие клиенты – это не

интерес, это хамство. Сейчас же я смутилась оттого, какое впечатление мой вид произвел на моих, страшно сказать, коллег. Страшно – потому что это слишком громко для меня, я не коллега им. И Артем, и Сергей обладают исключительными умами, могут и делают невероятные вещи, а я просто сопровождаю нашего общего шефа, не делая и не умея практически ничего.

Я вошла в зал. Стоит описать это помещение, ведь здесь еще не раз пройдут интересные встречи с разными людьми и произойдут достаточно важные события. Комната весьма просторная – я бы сказала, около шестидесяти квадратных метров. Выкрашенные в белый цвет стены перетекают в потолки высотой более трех метров. Пол покрыт качественным паркетом, положи на который шарик, и он никуда не покатится. Как и все в этой квартире, пол выполнен и выровнен предельно идеально. Здесь тоже присутствует камин – он такой же белый и почти полностью сливается со стенами – акцент над ним задает круглое зеркало в золотой оправе. В углу стоит черный антикварный рояль. За инструментом успел пристроиться наш композитор, он еле слышно что-то поигрывал, видимо испугался до такой степени под пристальным взглядом сурового охранника, стоявшим здесь же, у камина, что не смел даже музыкой сотрясать воздух. Хотя как раз этим он вполне мог бы порадовать Адриана Аароновича. Мой шеф тоже уже был здесь. Его прямая фигура застыла у окна спиной к нам, он предпочел пока все не усядутся, отвлечься на виды за окном.

Усесться как раз было где. Здесь же стояло два трехместных дивана коричневой кожи и два широких светлых кресла с матерчатым покрытием. Разделял места для гостей маленький журнальный столик на чугунных черных ножках и с деревянной поверхностью в тон деревянному полу.

Артем подъехал на своем кресле к столику, Сергей опустился рядом, в одно из светлых кресел. Увидев посторонних людей, Алпаров перестал нажимать на клавиши и развернулся на крутящемся кресле к присутствующим.

– Добрый вечер, господа, – поздоровался композитор со всеми, но ответного приветствия не дождался – мой шеф, не поворачиваясь, произнес коротко:

– Анатолий В-варданович, расскажите, пожалуйста, п-подробно о том, что вас привело сюда.

Скрамовцы уставились на композитора, а тот в свою очередь уже боязливо покосился на меня. Похоже, за время ожидания спесь с него успела немного слететь. Оно и к лучшему. Я кивнула ему, подталкивая начать. Он заговорил осторожно, даже слишком тихо, так, что мне пришлось напрячь слух, а парням из Скрама наклонить головы в его сторону, чтобы расслышать, что он там шептал:

– Да, собственно, кража, Адриан Ааронович. Этим вечером я, в антракте, вы знаете, – он кивнул мне, – вернулся в свою гримерную, чтобы немного передохнуть. Моя супруга, Леночка, должна была сделать мне массаж кистей. Это обычная процедура, когда я провожу свои редкие концерты, делать подобные перерывы. Коллеги по цеху, бывает, отдыхают иным способом, я же люблю расслабляться именно так. Так вот вернулся я, накинул халат поверх концертного костюма, чтобы не запачкать его и не помять, устроился в кресле и подставил левую руку Леночке. Но не успела она приступить к своей работе, как я отдернул руку. Знаете, сердце мое так часто забилося, в глазах потемнело...

– Что случилось, Анатолий В-варданович, – перебил его Шагалов, – в-вы что-то услышали?

– Я... А да. Я услышал. Именно! Я услышал. В комнате играло радио, понятия не имею, кто его включил, но тем не менее, оно играло. Я услышал нечто, что заставило меня прийти в неистовство.

– Что же это б-было? – вновь перебил словоохотливого посетителя мой шеф.

Я бесшумно опустилась на край кожаного дивана и позволила своему взгляду задержаться на прямой спине Адриана Шагалова. Снова этот момент! Он говорит, не отнекивается и не только кивает головой, он включается в беседу, как будто с каждым следующим шагом забывая о том, что его смущает в людях до такой степени, что заставляет их избегать.

– Что же это было? – повторил композитор, тоже неотрывно глядя на моего шефа. – Это были мои мысли!

– В смысле? – сначала спросил, а потом смущенно кашлянул Сергей, поняв в последний момент, какую глупость сморозил.

– Это были мои мысли! – выпучив немного раскосые глаза, повторил Алпаров. – В прямом смысле!

– Ничего не понимаю, – проговорил Лисовский и откинулся на спинку широкого кресла.

– Это были мои мысли! Мелодия, которую я буквально накануне придумал. Я еще напевал ее себе в душе. Есть у меня такая привычка. Вы не поверите, в каких неожиданных местах к нам, к талантливым людям, приходят порой гениальнейшие идеи.

– То есть, – повторил за ним Сергей, – вы напевали в душе мелодию, если я правильно понимаю, решили, что именно вы ее придумали, а на следующий день вы услышали эту же мелодию по радио?

– Вот! – ткнул в Лисовского пальцем композитор. Он на мгновение поднял голос, но сразу же осекся, покосился на Шагалова и снова вернулся к предыдущему тону. – Именно так все и говорят. Что я сошел с ума! Что я вот уже какое-то время слышу где-то мелодии, потом напеваю их ли записываю и мне кажется, что я где-то уже их слышал. Вот! Теперь вы понимаете, что это проблема, которая граничит с безумием! Как я могу доказать кому-то кражу собственных мелодий, если я сам сомневаюсь в том, что я прав?!

– Как д-давно это у вас н-началось? – спросил Адриан.

Артем посмотрел на меня, мы оба разом чуть не прыснули со смеху – шеф снизошел до шутки? Но секундой позже мы оба стали серьезным, поняли, что его вопрос имел под собой основания.

– Около двух месяцев назад, – что-то подсчитав в уме и закатив при этом глаза к потолку, сообщил Алпаров. – За это время около пяти композиций. Нет. Точно, – он кивнул сам себе, – точно, последняя была пятой.

В помещении бесшумно появился дворецкий, он катил перед собой изысканный стеклянный столик на колесиках. Первым делом он подал мне чашку с кофе, потом капучино с горой взбитых сливок облизнувшемуся Боярскому, открыл пиво для Лисовского. На журнальный столик поставил чашку с чаем для Адриана, а композитору не предложил и не принес вообще ничего.

Фигура Шагалова, на которой в эту минуту сконцентрировалось всеобщее внимание, резко развернулась – его вопрос вылетел одновременно с тем, как кофейные глаза посмотрели на композитора:

– К-каждый раз вы д-делали это в разных местах? Куда и на что вы з-записывали свои мысли?

Шагалов выглядел невозмутимо, его лицо стало маской и то же время, от него невозможно было оторваться. Так редко смотревшие на кого-то глаза, будто бы раскрывали на миг его душу. Небесная субстанция переливалась, сияла своей чистотой и одухотворенностью. Казалось, нет во всем мире более достойного человека, чем обладатель этих кофейных глаз. В них хотелось смотреть и смотреть, но этот миг снова закончился быстрее, чем мы успели его запомнить. Увидев то, что хотел, а именно сконфуженного и действительно задумавшегося композитора, Шагалов опять отвернулся к окну. Он поворачивался только затем, чтобы проанализировать лицо собеседника и принять для себя решение. Алпаров даже не подозревает, что его мгновение назад будто бы рентгеном просветили насквозь.

– Записывал? На что... На что... Ну, я не большой специалист в этих новомодных гаджетах. Ну, на телефон записывал. На компьютер. Но не всегда. Несколько раз не записывал ничего. Просто пел. Проговаривал слова на мелодию...

Артем передал свою чашку в руки Сергею и спешно достал из сумки, пристроенной под ручкой его инвалидного кресла, портативный компьютер и раскрыл его.

– Вы говорите, что слышали мелодию сегодня по радио, можете назвать радиостанцию, время? Или слова из песни, название песни?

– Название... Название... какое название? Я его еще не придумал, разве может у той песни быть название? Радиостанция? Хм... и ее я вам не назову, я же не знаю, что было включено!

– А джиглов не слышали? – вклинился Сергей, со скучающим видом отхлебнув пиво из бутылки.

- Какие джинглы, молодой человек?! О чем вы?! Да я... я чуть с ума не сошел, пока... когда...

- А кто пел? Мужчина, женщина? Группа? - не унимался Артем.

- Группа, да, кажется, группа! Женское трио!

- Прямой эфир? Они в студии были или это запись?

- В студии. Точно, в студии. Не запись, нет. Они презентовали новинку и спели ее живьем, отвратительно, к слову сказать. Я ее совсем иначе себе представлял. Такие ужасные голоса. Вечная проблема нынешнего шоу-бизнеса - красивые тела и лица, и полное отсутствие голоса. Студии записи и специалисты по обработке звука процветают!

- Поищи прямые эфиры за сегодня, - посоветовал Сергей своему напарнику.

- А то я не догадался, - отбрыкнулся Боярский, уткнувшись в свой компьютер, который пристроил на обездвиженных ногах. - Так... концерт в консерватории начался в семь, антракт около восьми... О! Нашел! - Боярский стукнул по кнопке и из его компьютера зазвучали женские голоса.

- Она! - композитор даже вскочил со стула. - Она! Это именно моя мелодия!

- Ничего так, - сделав еще один большой глоток пива, резюмировал Лисовский. - Но лучше в обработке, они реально скрепят. Или твой ноут не тянет, - опять подковырнул коллегу Сергей.

- Это мой ноут не тянет? - Боярский покрутил пальцем у виска. - У меня, Сережа, закрадываются сомнения, что из тебя не только программист слабый, но и техник никакой.

- А я не обязан в железе разбираться. Для этого в Скраме существуют специально обученные люди.

Я краем глаза заметила, как переступил с ноги на ногу Адриан, показала знак Боярскому, чтобы он немедленно выключил звук на своем компьютере. Парень

осекся и мгновенно выполнил команду.

- Сергей, п-проверь телефон Анатолия В-вардановича.

Лисовский как ждал только этого момента, когда наконец Шагалов и ему поручит что-то сделать. Парень поставил на стол свою бутылку с пивом, подмигнул мне и в несколько широких шагов оказался возле Алпарова, протянул к нему ладонь и замер в ожидании гаджета.

- Вы хотите... - замялся композитор, - чтобы я отдал вам свой телефон?

- Вы же слышали? - усмехнулся Лисовский. - Адриан сказал именно это.

- Но там... там мои пароли, и вообще... Это безопасно?

В нескольких метрах от них раздался тяжелый вздох. Боярский голосом измученного до смерти компьютерщика, пояснил:

- Господин композитор, посудите сами. О какой безопасности вы говорите? Вы поете песни, а их у вас кто-то с успехом ворует. Первое, что стоит проверить - это проникновение в ваши гаджеты - компьютер и телефон. И в первую очередь, телефон. Вы же наверняка таскаете его с собой всюду, где... - Боярский все-таки не сдержал веселый смешок, - где вам приходят гениальные идеи.

Соответственно, первое наше подозрение на проникновение и взлом ваших личных гаджетов. А если их взломали, то уже ни о какой безопасности речи быть не может.

- Так вы дадите свой телефон или нет? - Лисовский дернул своей ладонью.

Тяжело вздохнув, как будто отдает ключ от собственного сейфа, вынул из кармана брюк серебряный телефон и передал его Лисовскому.

- Код... - начал говорить композитор.

- Не надо, - буркнул Сергей, отвернувшись от него пошел обратно к креслу, на ходу выудил из кармана джинсов небольшой черный прибор и через провод подсоединил его к телефону. Садясь в кресло, он уже миновал момент введения

пароля.

– Нам п-потребуется и ваш компьютер, – сказал Адриан, пока оба скрамовца погрузились в сеть.

– Так вы... – Алпаров с надеждой в глазах оглянулся на моего шефа. – Вы беретесь за мое дело? Вы мне верите?

– Адриан, если бы ты спросил меня, – вклинился Артем, зная, что наш шеф в отличие от своего брата, рвать и метать по этому поводу не станет, – я бы не брался. Даже если мы найдем вирус, что с того? Даже неинтересно. Мелкое хулиганство. У Скрама очередь из важных и серьезных дел.

– Воровство авторских к-композиций не может быть м-мелким хулиганством, – в своем привычном, бесцветном тоне ответил Шагалов, – речь идет о м-миллионах рублей за одну к-композицию. Скорее всего, есть еще жертвы.

– Но? – Артем развернулся к спине шефа лицом. – Здесь же есть какое-то «но»?

– Есть. Мы в-возьмемся за это при одном ус-условии, господин Алпаров.

– О, не говорите мне о деньгах! – всплеснул руками автор. – У вас заоблачные гонорары, мне такого не потянуть!

– Вы м-можете сделать для меня кое-что б-более ценное...

Когда Адриан Шагалов договорил, стоит ли заикаться о том, что и Артем, и Сергей, и я, мысленно дали себе обещание во что бы то ни стало разобраться с музыкальной загадкой. Человек, у которого есть все и ничего одновременно, хочет получить подарок. Человек, который заботится об окружающих, забывая о себе. Его чуть было не убили в деле о банке, но он довел дело до конца. Его обзывают сумасшедшим, ненормальным, а он спасает этих людей. Он дал работу огромной команде, этот самый сумасшедший и ничего никогда не просил взамен. Кто же, как не его доверенная команда может ему помочь в этом? Лишь недалекий композитор не понимал важность просьбы Адриана Шагалова. Один личный концерт. Вечер музыки в его доме. В полной тишине и без посторонних. Концерт, осуществленный его любимым маэстро. Что может быть важнее для

человека, который в принципе боится звуков?

Глава 7

Я никак не могла уснуть этой ночью. Сон не шел, как я ни пыталась нырнуть в него. Так и не договорившись с собственной головой, я вытащила из шкафа джинсы, майку, натянула эту одежду на себя и тихонечко вышла из комнаты. В руках держала кроссовки – ведомая идеей прогуляться по ночному городу, спустилась на первый этаж, но пробираясь на цыпочках мимо зала, остановилась. В полутемном помещении, где несколько часов назад было полно народа, сейчас стоял только один человек. Он стоял у окна, все так же, как и в присутствии этих людей и смотрел в окно. Адриан Шагалов все еще не переоделся ко сну, было такое ощущение, что так и не уходил отсюда, хотя я точно помню, что уходил. Михаил Павлович еще убирал посуду, скрамовцы прощались с нами, желали спокойной ночи, потом и я пожелала доброй ночи дворецкому, потому что шеф давно поднялся к себе. Но не прошло нескольких часов, дом уснул и Адриан Шагалов вернулся в зал.

Я чуть не выронила кроссовки из рук, когда тишину надорвал приглушенный приказ Шагалова:

– П-подойдите.

Где-то на моей шее подпрыгнула огромная вена, она как большая змея душила меня, перекрыв подачу воздуха к сердцу. Я подошла, от волнения не чувствуя своих ног. Подошла к тому же окну и встала рядом с ним. Адриан смотрел на ночное небо, я обхватила его утонченный профиль взглядом, и сразу дернулась всем телом – он вдруг повернулся ко мне и кофейные глаза ответили теплым приветствием. В лунном свете, падавшем на наши лица, кожа на них казалась мертвенно бледной, были отчетливо видны все детали – ресницы будто бы увеличились в размере, изгиб бровей стал более резким, линия носа гордой и прямой, а линия губ...

– Я просто... Мне не спалось, я хотела прогуляться по городу, не хотела шуметь...

Мой голос неуверенно завибрировал, рассыпаясь в оправданиях перед Шагаловым.

- Не нужно г-гулять, - оборвал он меня, не поворачивая головы. - Это опасно.

- Почему? Это не опасно, я просто прогуляюсь и вернусь, утром встану вовремя...

От переживаний я совсем забыла, как нужно говорить, поэтому тараторила, нещадно издеваясь над его незакаленной нервной системой.

- Отправляйтесь н-наверх.

Возражения застряли у меня в горле, остановившись на полпути на волю.

- Вы злитесь на меня? Адриан Ааронович, я совсем не хотела сегодня ничего такого... Я...

- Отправляйтесь н-наверх.

Я захлопнула рот и немедленно вернулась к лестнице. Обернулась лишь один раз, чтобы посмотреть на его фигуру, застывшую без движения у окна. Это было больно. Пожалуй, даже больнее, чем разговор с Давидом Шагаловым.

Растирая обиду по щекам, закрылась в своей комнате и рухнула на кровать. Как ни странно. Сон пришел гораздо быстрее, чем я думала. Как будто своим резким приказом Адриан Шагалов наслал на меня заклинание сна. И ведь я же знаю! Знаю, что люди с подобными расстройствами не умеют чувствовать. Они всегда говорят достаточно резко. Я забылась из-за прошлой ситуации, после которой Адриан Ааронович вызвал меня к себе в кабинет и предложил переехать сюда. Досадная оплошность всю оставшуюся ночь саднила где-то в районе моего сердца.

* * *

Субботним утром Адриан Шагалов собирался отправляться в офис Скрама, он часто работал совсем без выходных. Что же касалось скрамовцев - в выходные

дни они являлись на работу как заблагорассудится, но чаще всего их с легкостью можно было застать в офисе в полном составе. Раз Адриан Ааронович едет, соответственно еду и я. На часах восемь, я сижу на кухне за столом вместе со своим шефом и угрюмо разглядываю темную, почти черную жидкость в своей изысканной чашке из белого фарфора. На завтрак Борис Емельянович расстарался, приготовил столько всего сладкого и подал в том числе клубничный торт, до которого накануне так дело и не дошло. Я же с трудом проглотила один поджаренный кусочек хлеба и на этом остановилась. Михаил Павлович привычно оглашал список нудных новостей, на которые не реагировал никто на этой кухне. Ввиду всеобщего молчания, дворецкий сам зачитывал новости и сам же их комментировал.

– Вчера был пожар в центре, в новом здании горело сразу три последних этажа...
В Австралии шестиметровый крокодил напал и съел домашнюю черепаху...
Желтые жилеты в Париже снова бесчинствуют...

За окном пошел дождь, хлынул внезапно как из ведра. Академин недовольно косится на меня и на все то, что осталось нетронутым на столе. Хотя у нашего шефа аппетит не изменился – он позавтракал в привычной манере и молчит в той же привычной манере. Мне очень хочется быстрее уже поехать в офис, встретиться там с остальными и хоть чем-нибудь заняться – это ничего неделание уже просто выводит из себя. Я понимаю, почему Адриан Шагалов накануне так резко разговаривал со мной. От того, что я не знаю, как бы еще ему угодить, лезу, куда не стоило бы и ищу на его умную голову очередные неприятности.

Задумавшись, моя рука соскользнула и вилка, которой я водила по пустой тарелке скрипнула, проехала по поверхности и издала жуткий скрип. Было так неприятно, что даже мое собственное тело съежилось и я в испуге покосилась на шефа – к моему удивлению, на его лице не дрогнул ни один мускул. Неловкую паузу, возникшую в результате моей проделки, уничтожил мелодичный звонок во входную дверь.

– Прошу прощения, – отвесив легкий поклон, Расторгуев положил планшет на тумбочку позади себя и вышел встречать гостей.

– Интересно, кто бы это мог быть в субботу и в такой ранний час? – помешивая наваристый бульон к обеду в большой кастрюле, спросил Академин. – Так рано может заявиться только...

В дверях появился Михаил Павлович, удерживая руки по швам и в обычном своем смокинге, он еще раз отвесил поклон шефу и чинно сообщил:

– Адриан Ааронович, приехал Давид Ааронович с молодой дамой. Они ожидают вас в гостиной. Давид Ааронович желает сегодня лично отвезти вас в Скрам. Вы поедете с ними или все-таки мне подогнать ваш автомобиль?

– Я п-поеду на своем, – последовал короткий ответ.

После того, как он прозвучал, уголки губ дворецкого чуточку дернулись вверх. Конечно же, Михаил Павлович сделал бы все, что бы только Адриан не сел в машину к брату и не предпочел его заботу своей. Это противостояние между жителями дома Адриана Шагалова и Давидом Шагаловым становилось жутко заразным. А ведь он и в правду ничего плохого своему брату не делал. Тогда почему же мы все на инстинктивном уровне делаем все, лишь бы Давид Шагалов не чувствовал здесь себя желанным гостем?

– В таком случае, Адриан Ааронович, брат просил вас выйти в зал. Давид Ааронович желает представить вам свою спутницу.

Неизвестный и очень неприятный зверек закопошился у меня в груди – недоброе предчувствие относительно этого знакомства сковало мои пальцы еще до того, как мы с моим шефом вошли в гостиную, и я увидела молодую женщину, которой было суждено создать мне большие неприятности. Следовало догадаться – вчера у порога консерватории я ударила Давида Шагалова по щеке. Естественно, наказание последовало незамедлительно.

– Адриан, привет! – Давид даже не сел, ждал младшего брата стоя и поигрывал своей бесполезной, но очень вычурной тростью. Он дружески погладил брата по спине, когда тот подошел к нему. – Я так понимаю, со мной ты ехать не хочешь? Что ж, жаль, я хотел побыть с тобой немного.

Давид привык к молчаливым кивкам или отсутствию реакции от Адриана, поэтому говорил не останавливаясь.

– Вот, хотел тебя познакомить с этой очаровательной девушкой! Ты знаешь, к нам пачками присылают резюме достойные ребята, и всех рассматривает отдел

кадров с двадцать четвертого этажа, но мимо ее резюме они пройти не смогли и прислали его мне, а я посчитал, что надо попробовать силы Иды.

– В качестве кого?

– Будет тебе еще одна помощница! – на первый взгляд беззлобно ответил Давид. – У тебя столько дел, или к ребятам пристроим. Ты подожди, я тебе расскажу. Слушай, два высших образования, оба с золотыми медалями. Психология и программирование, а? Золотое сочетание! Тебе стоит посмотреть, у кого она проходила практику и отзывы. Несколько побед на городских олимпиадах, всегда первые места. Очаровательное создание и очень сообразительное. Мне кажется, ей надо дать шанс! Ида, подойдите к нам!

Давид поманил девушку рукой, и та поднялась с дивана. Когда она сделала первые несколько шагов – сердце мое замерло, словно его заморозили во льдах Антарктиды. Девушка оказалась подтянутой, худосочной. Я бы назвала ее тенью. Черные брюки и белая блузка с светло-голубым матерчатым пиджаком прилегли к ее ровному во всех смыслах телу просто идеально. Ее фигура была из разряда тех, что можно было легко перепутать с мальчишеской. Прямые светлые волосы собраны в хвост на затылке. На лице полное отсутствие косметики. Но хуже всего было даже не это – девушка ступала по дороговому паркету гостиной в белых мягких прогулочных тапочках, сильно прихрамывая на одну ногу! Она подошла к Адриану и не протянула руку для знакомства, коротко и мягко представилась:

– Ида, очень приятно познакомиться, Адриан Ааронович.

Голос у нее оказался очень приятным, можно сказать, ласкающим слух. Образование, знания, рвение, внешний вид, голос и хромота! Что такое хромота для Адриана Шагалова? Любые увечья в сочетании с острым умом для моего шефа – первый признак взять человека на работу.

– К-кокситроз? – спросил он ее, внезапно протянув руку для пожатия.

– Да. Врожденный вывих бедра, – блондинка незамедлительно ответила.

Давид Шагалов довольно потряс брата за плечо:

– Идочка к тому же вегетарианка, практикует йогу и истинный педант по характеру.

Теперь Шагалов старший уже не удержался – сверкнул черным глазом в мою сторону. А я стояла застыв, ни жива, ни мертва в дверях комнаты. Он не просто не забыл, он бросил попытки меня уволить – он просто нашел Адриану более лучшую кандидатку на пост помощницы.

– Так что, все-таки поедем на одной машине?

Адриан возразил в своей манере:

– У м-меня уже есть п-помощница.

– Адриан! Никто здесь и не претендует. Я просто привез Иду познакомиться. Согласись, всего лишь стечение обстоятельств. Давай дадим девушке шанс, а дальше ты сам примешь решение, кто тебе больше по душе. В конце концов, в любой компании присутствует здоровая конкуренция, это хорошо для всех. Я лишь ратую за то, чтобы мой любимый брат был в самых надежных и профессиональных руках.

Давид особенно подчеркнул «профессиональных». Конечно! Два высших образования! Столько заслуг! Я сжала зубы и кулаки за спиной. В ресторане у нас тоже всякое случалось – нередко сталкивали работников за малейшие провинности, так что ничего удивительного, что что-то подобное, и в особенности после вчерашнего, произошло и здесь.

Не дав мне даже секунды на размышления, блондинка, вернув себе руку после короткого рукопожатия с Адрианом (я еще пока не видела никого, кто бы удостоивался такой чести!), восторженно заговорила:

– Я знаю все о Скраме. Ваши методы работы, все, о чем хоть что-нибудь известно. Я мечтаю попасть к вам в команду и быть хоть сколько-нибудь полезной!

Подлиза. Я с силой заставила свое лицо не скривиться в презрительном выражении. У меня за спиной кто-то знакомо сдержанно кашлянул в кулак.

– Адриан Ааронович, машина у подъезда, – сообщил появившийся дворецкий. – Мы можем отправляться.

– Так ты дашь Иде шанс? – бросил вопрос уже в спину младшего брата Давид.

Подошедший к нам Адриан на мгновение остановился, как будто над чем-то задумался и доходчиво произнес:

– Да.

Он не видел, зато видели мы с Михаилом Павловичем довольное, сияющее лицо Давида Шагалова. Нисколько не сомневаюсь, что девушка сможет доказать всем свои профессиональные качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/egorova_yana/skram-2

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)